

Сергей Аванесов

ПАРАМИТА

(клип)

Субхути, Так Приходящий проповедовал о высшей парамите как о не высшей парамите. Это и называют высшей парамитой.

Ваджраччхедика праджняпарамита сутра

*Трудна переправа, тяжела дорога,
Глубоки воды смерти, что её преграждают*

Эпос о Гильгамеше

Это невозможно рассказать. Он давно уже сидел в своей запертой комнате. Снаружи стоял яркий морозный день, но внутри было тепло и сумрачно. Лампа под красным абажуром, свисающая с потолка на длинном шнуре, освещала покрытый газетами стол, мятый металлический чайник на столе, две чашки с бурой жидкостью и небольшую плоскую бутылку. Где-то за стеной часы пробили тринадцать. Он вытянул ноги под столом и на несколько секунд задержал дыхание. Ноги по щиколотку ушли в сухой сыпучий снег. Резкий ветер наотмашь ударил по лицу. Перед ним, поперёк направления его взгляда, протянулась застывшая река, и он понял, что путь на тот берег нынче благоприятен. Но отправляться в путешествие в одиночку ему не хотелось так же, как сесть в одиночку пожизненно. Он протянул правую руку и подержал ладонь над чашкой. В темноте по другую сторону стола, за чертой светового круга, под прибитым к стене красно-чёрным рекламным плакатом («Шнурки от Бикфорда!») открылись и посмотрели на него пронзительные карие глаза ступы Сваямбхунатх.

– Знаешь ли, кто я? – спросил он через стол.

– Знаю, – ответила она. – Твоё тело – из звучащей глины, а к твоему горлу привязана птица.

– Так мы знакомы?

– Нет. Просто теперь я тебя узнала.

Она внесла в круг света свои пальцы, украшенные перстнями, и положила их на край стола. Он увидел, как на указательном пальце её левой руки медленно тает, растворяясь в электрическом свете, красивый золотой перстень с рубином.

– Что это значит? – спросил он, глядя на её пальцы.

– Всё просто. Каждый раз, когда я узнаю что-то новое, настолько новое, что раньше я не могла себе этого даже представить, один из моих перстней исчезает. Когда исчезнут все, я умру, выполнив своё предназначение. Это обычные украшения древних селькупских женщин.

Ветер летел вдоль застывшего русла, врываясь в сомнительную реальность дня с той стороны, где низко висело солнце. Тонкие длинные струи снега, змеясь, бежали по мёртвой воде, ныряли под лёд и снова выскакивали на поверхность сразу в нескольких местах. Игра снежных змей напоминала сон, в котором беспорядочно чередуются и двоятся бесконечные сюжетные линии.

– Что пьёшь? – она указала пальцем на чайник.

– Чай.

– Какой сорт?

– «Сибирский слон».

– А здесь? – она перевела палец на бутылку.

– Самогон на пихтовой смоле.

Перстень с бирюзой, украшавший средний палец её правой руки, растаял и исчез.

– Как тебя зовут, душа моя?

– Догадайся сам. Угадай с трёх раз.

Он назвал женское имя с запахом белой розы. Она улыбнулась и отрицательно покачала головой. Тогда он произнёс имя цвета зимнего заката. Она с осуждением посмотрела на него. Тогда он выкрикнул имя всех имён. Она дёрнула уголками рта и махнула рукой.

– Но как-то же мне надо тебя называть?

– Пусть я буду Абеона.

– Хорошо. Значит, нам пора идти.

– Разве мы не идём?

– Тогда дай мне руку.

Свет и ветер, скрепляющие два берега, обнимали со всех сторон, проникали внутрь и несли от начала к концу. Он посмотрел вверх. Облака, беспорядочно разбросанные по белёсому небу, вдруг начали дружно стекаться поближе к противоположному берегу и, клубясь и сгущаясь над ним, постепенно образовали некую поначалу размытую и нечёткую картину. Чем твёрже и определённое становилось изображение, тем всё более сгущались и темнели облачные краски. И вот, наконец, стало ясно, что на этом берегу – день, а на том – ночь.

– Мир во сне лежит, – проговорила она, смотря внутрь.

– Почему ты идёшь с закрытыми глазами?

– Во-первых, так больше видно, во-вторых, так я могу идти куда хочу.

– Но ведь когда-то придётся открыть глаза.

– К сожалению, это так. Но только в этом мире. Хорошо, что придёт время, когда надо будет закрыть их навсегда.

– Это нам никто не гарантирует. А что ты видишь?

– С закрытыми глазами я вижу не только оранжевый лёд, но и красную воду под ним. А сонные рыбы – синего цвета.

– И всё же я хочу видеть твои прекрасные глаза.

– На самом деле я безобразна.

– Перестань. У меня общепризнанный эстетический вкус.

– Человек склонен всюду искать прекрасное, а на ужасное он инстинктивно боится смотреть. Прекрасное приятно, но правда зачастую как раз безобразна и страшна. «Безобразное», кстати, такая же эстетическая категория, как и «прекрасное».

– Да, но в том же смысле, как «зло» – категория этики. То есть в отрицательном смысле.

– Не совершаем ли мы парамиту? Добавь-ка мне чая.

Чёрные облака, скопившиеся над противоположным берегом, образовали плотную непроглядную стену, поглотившую все контуры и фигуры. Через

некоторое время сквозь этот мрак начало пробиваться какое-то чрезвычайно слабое свечение, словно бы в толще спрессованных облаков зародилось живое пламя. Свет становился всё ярче, и вот, наконец, чёрная стена лопнула, и в ней открылся освещённый оранжевым пламенем туннель.

– Красиво, – сказала она, созерцая оранжевый свет в его глазах. – Зрелище для поэтов.

– Кого ты называешь поэтом?

– Поэт – это человек, способный складно выразить тот хаос, который со-держится в его душе.

– Где-то я уже слышал эту фразу.

– Ты слышал её в своём сне на прошлой неделе, в ночь с четверга на пят-ницу.

– А, так это ты стояла тогда за дверью?

– Нет, за дверью лежал ты.

– Хорошо. Это неважно. Всё зависит от точки зрения, от перспективы. Для поэта важна перспектива. Что ты думаешь о перспективе поэтов?

– Их тела подвержены тлению во времени, а их души замурованы в кни-гах, надписанных их именами. Постепенно эти имена перейдут от них к кни-гам, и с какого-то момента они останутся без имён. Это и будет их смертью. Почему мы не идём по мосту?

– Мост перекрыли. Сегодня утром с него упал автобус из Победы. Все уто-нули.

– Лёд сегодня какой-то подозрительный.

– «Благоприятен брод через великую реку». Это сказано для нас.

– Кто это сказал?

– Борис Ицзинович.

– Кто такой Борис Ицзинович?

– Безупречно квадратный человек.

Они проходили мимо необычного сооружения. На каркас из четырёх гиб-ких жердей была натянута тонкая плёнка, покрывавшая пространство, доста-точное для того, чтобы в нём поместился один человек в сидячем положении. Лучи солнца насквозь пробивали прозрачные стены, и внутри был виден че-ловек с удочкой, сидящий над дырой во льду.

– Вот любитель рыб.

– В той стране, откуда я пришла, каждый человек строит себе такой же вот храм, вмещающий только его одного. В этом храме человек разговаривает с Бо-гом один на один. Там всегда прекрасная акустика, потому что никто и ничто не отвлекает от разговора, и человек с Богом прекрасно слышат друг друга.

– А зачем человеку говорить с Богом?

– Чтобы стать самим собой, чтобы стать источником своих поступков, то есть, чтобы стать виновным. За этим человек и идёт в храм – за своей виной. Он учится быть виновным.

– Разве не наоборот? Ведь, кажется, человек входит в храм виноватым, а выходит невинным?

– Нет, именно в храме, где он не против мира, а с миром напротив Бога, че-ловек и находит себя поистине виновным. Для этого ему и требуется Бог.

Туннель приближался. Пламя, бывшее в нём, как в топке, скрывало в себе нечто иное, недоступное зрению и потому неизмеримо более ужасное.

– Страшно, – тихо сказала она.

– Если боишься, уходи.

– Хорошо, прощай.

– Ты уже ушла?

– Да.

– Может быть, это к лучшему.

– Почему?

– Потому что отсутствие гораздо вместительнее присутствия.

– Как это понимать?

– Это просто. Ну, например, ты можешь поесть несколько раз в день (допустим, три). А вот не поесть ты способна гораздо большее количество раз, хоть тысячу. В данный момент я могу иметь лишь ограниченное количество мыслей. Но число отсутствующих у меня мыслей бесконечно. Ты присутствуешь в моём опыте только конкретно – вот такая и такая. Отсутствуешь же ты, какая угодно. И вся эта какая угодно ты оказываешься в моём распоряжении, лишь отсутствуя. У-love-ливаешь?

– Значит, чтобы не потерять свободу и контроль над собой, чтобы ты не начал распоряжаться мной в моё отсутствие, я должна остаться.

– Оставайся, душа моя.

– Но не думай, что ты выиграл.

– Когда мужчина и женщина ведут игру друг с другом, то правила этой игры известны только кому-то одному из них. Чаще всего это женщина.

– Нет, это не так. Просто у тебя такой опыт. У других он другой. Например, у меня.

– И всё же, как мне кажется, именно ты должна руководить мною.

– Что ты! Вспомни Андрея Критского: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши!»! Душа сама нуждается в твоём руководстве.

– К этому месту надо сделать примечание.

– Сделай.

– Не хочу.

Она пожала плечами и поставила чашку на стол.

– Это не слишком сложный текст?

– Ты предлагаешь думать о читателе?

– Я ничего не предлагаю. Ты не отвечаешь на вопрос.

– Да, это сложный текст.

– У тебя плохо выстроен сюжет.

– В хорошем клипе вообще не может быть сюжета.

– Что такое «клип»?

– Не знаю.

– Ну, в чём сущность клипа?

– Не знаю.

– Ладно, почему в хорошем клипе не должно быть сюжета?

– Понимаешь, визуальный сюжет – если это один сюжет, одна линия – цепляет внимание, отвлекает от музыки, которая в этот момент звучит – или в твоих ушах, или в тебе самом, – и сознание расслаивается, теряет себя, короче – становится больным и немощным. Поскольку сюжет – это музыка или песня, постольку всё видимое, что её сопровождает, не должно иметь собственного сюжета.

- Ты-то какую музыку имеешь в виду?
- Ту, что внутри.
- Она есть?
- Да, она всегда во мне. Подлить тебе кофе?
- Разве это кофе? Ты же говорил, что это чай.
- Свойства напитка зависят от направления ветра. Сейчас подул восточный.

До берега оставался один шаг. Теперь они находились у самого входа в туннель. Словно предчувствуя некую метаморфозу, они взялись за руки и совершили последний шаг синхронно. Центр тяжести вселенной сместился, мировое равновесие нарушилось. Реальность повернулась вокруг мировой оси. Они видели это так: всё находящееся перед ними – тёмная стена, внешняя кромка туннеля – повалилось вперёд; они упали на колени, не отпуская рук друг друга. Река, забранная льдом, поднялась сзади и встала вертикально. От поворота и сотрясения лёд на реке с грохотом треснул и взорвался, развалился на отдельные льдины. Чёрная вода, рыча, двинула льдины, понесла их справа налево. Стена движущегося льда грохотала за их спинами. Они поняли, что таков переход от жизни к смерти, и посмотрели вперёд; но «вперёд» теперь означало «вниз»: туннель стал колодецем, со дна которого поднималось пламя.

Воронкообразно закручиваясь внутрь, в исподнее земли, туннель, казалось, терял очертания, но тут же вновь приобретал чёткость внешней линии. Но главным было не то, как он выглядел (и выглядел ли он вообще), а то, что являлось взору в его сердцевине. Однако это главное вообще не имело очертаний, и потому можно было сказать, что оно производит грандиозное впечатление, но не было никаких оснований думать, что оно хоть каким-нибудь образом есть. Всё когда-то увиденное, всё, так или иначе воспринятое, раскрывалось здесь в рядах сменяющих друг друга переживаний, не имеющих формы, но совершенных по своей отчётливости. И то сообщение, которое приходило к ним, смотрящим вниз, из глубин сверкающей воронки, было тем же самым, что подкатывало к их горлу из самого сердца.

Когда у них уже не было сил смотреть в самих себя, они, не сговариваясь, принялись устраивать своё возвращение. Всё так же держась за руки, они прыгнули на ближайшую льдину. Мир двинулся обратно. Стена, образованная движением льда и воды, рухнула вниз, а колодец снова стал туннелем. Льдины упёрлись друг в друга, сростаясь прямо на глазах, и движение реки прекратилось. Путь обратно был свободен. Словно главная веха на этом пути, темнел на льду любитель рыб, согнувшийся над своей лункой и одетый снаружи надёжной полупрозрачной бронёй.

- Как ты думаешь, это тот же рыбак?
- Ты хочешь сказать, что нельзя дважды пройти по поверхности одной и той же реки? Видимо, Гераклит не знал, что реки замерзают.
- Да нет же, он был прав и остаётся прав. Нельзя дважды войти в одну реку, ибо на вошедшего непрестанно текут всё новые воды. Вошедший в одну реку выходит уже из другой.
- И, к тому же, выходящий из реки – это уже не тот, кто в неё вошёл?
- Именно так.
- Ты ошибаешься, милая.
- Что ты имеешь в виду?

– Прости, я хотел сказать, что Гераклит кое-что перепутал. Он рассуждал как человек, наблюдающий вокруг себя сплошную физику. Но река – не физический объект. Сегодня вот эта река имеет определённую форму русла и определённый рельеф дна. А завтра всё это будет совсем другим. Изменится даже её длина. И всё же река останется той же.

– Почему?

– Потому что у реки есть имя.

– Имя есть лишь у её берегов.

– Нет берегов без реки. Всякий берег – это берег чего-нибудь. Вот это правый берег этой реки, имеющей своё имя. Поэтому река – это не физическое, а культурное явление.

– Ты неправ.

– Конечно.

– Берег – это линия соприкосновения двух миров. Значит, насколько это берег реки, настолько же это и берег земли.

– К чему ты это сказала?

– Не помню.

На дверях горели три буквы, образующие четырёхбуквенное имя. Над рекой летели глиняные птицы. Часы за стеной совершили двадцать пять ударов.

– Входи, моя Абеона.

– Я не Абеона. Я Адеона. Это значит, что тебе пора приходить в себя.

Она вошла в дом легко и стремительно, он – медленно и нерешительно, как будто зная, что он всё проиграл и растратил, а она ничего не потеряла. Она была весела, как перед расставанием навеки.

– Что видно из твоего окна?

– Посмотри сама.

– Вижу дорогу, по которой ходят люди.

– Чтобы видеть эту дорогу, мудрецу не надо смотреть в окно.

– Это дорога к самому себе?

– Нет, это дорога к самой дороге. Кроме этой дороги ничего нет. Так думают мудрецы.

– Ты не мудрец.

– Верно.

Она вздохнула:

– Будет ли всё это когда-нибудь целым?

– Не дай Бог.

– Прощай.

– Ещё увидимся. Давай-ка я открою тебе окно. Люди, если в этой комнате пойдёт снег, знайте: снегопад случился в моей душе.

Томск, 2002–2004

Комментарий к «Парамите»

Сваямбхунатх: буддийская ступа с нарисованными на ней глазами в г. Катманду (Непал).

Твоё тело – из звучащей глины, а к твоему горлу привязана птица: «Я сотворю человека из звучащей глины» (Коран 15:28); «Он сотворил чело-

века из звучащей глины» (Коран 55:13); «И всякому человеку Мы прикрепили птицу к его шее» (Коран 17:14).

Абеона – древнеримская богиня, помогавшая ребёнку выйти из дома; **Адеона** – древнеримская богиня, помогавшая ребёнку войти в дом (Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н. э. Москва, 1979. С. 34). Согласно блаженному Августину, Абеона и Адеона – «самые незнатные богини», помощницы Юноны (Августин, О граде Божиим VII 3).

«Благоприятен брод через великую реку»: И Цзин 64, 3. Цитируется в песне Бориса Гребенщикова «Дело Мастера Бо».

Безупречно квадратный: так древнегреческий поэт Симонид говорил о совершенном человеке; цитату см.: *Аристотель*, EN I 1100 b 22 («Таким образом, счастливый будет обладать искомым <постоянством> и в течение всей жизни останется счастливым, ибо всегда или насколько вообще возможно как в поступках, так и в умозрении он будет соотноситься с добродетелью, а превратности судьбы будет переносить превосходно и пристойно во всех отношениях, во всяком случае, как человек истинно добродетельный и “безупречно квадратный”»). Ср. у того же Аристотеля: «Нравственно хороший человек четырёхуголен» (Rhet. III 1411 b 25). Ср. у Набокова: «Но я действительно так думаю, <...> что коммунизм действительно создаст прекрасный квадратный мир одинаковых здоровяков, широкоплечих микроцефалов ...»¹.

«Душе моя, душе моя, востани, что спиши»: Св. Андрей Критский. Великий канон: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши; конец приближается, и имаши смутиться: воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняй» (Санкт-Петербург, 1992. С. 31–32).

Три буквы, образующие четырёхбуквенное имя: יהוה – тайное имя Бога в Ветхом Завете.

Глиняные птицы: слова Иисуса в Коране: «Я сотворю вам из глины по образу птицы и подую в неё, и станет это птицей» (Коран 3:43).

«Имя есть лишь у её берегов» – цитата из песни Бориса Гребенщикова «Встань у реки».

Чтобы видеть эту дорогу, мудрецу не надо смотреть в окно: «Не выходя со двора, можно познать весь мир. Не выглядывая в окно, можно узреть Путь Неба. Чем дальше идёшь – тем меньше узнаёшь. Поэтому мудрецы познавали, никуда не отправляясь; постигали, не видя; свершали, не действуя» (Дао дэ цзин 47) [перевод А. А. Маслова].

¹ Набоков В. В. Отчаяние. Санкт-Петербург, 2009. С. 28.